

Это выдуманная история. Имена, персонажи, места и события — плод авторского воображения или художественного переосмысления и не должны восприниматься как реальность. Любые совпадения с событиями, местами, организациями или людьми, как ныне живущими, так и покойными, абсолютно случайны.

*Каждому читателю,
открывшему эту книгу.
Спасибо вам.*

ГЛАВА 1

— Это правда? То, что говорят о женщинах, которые приходят сюда? — Ногти, выкрашенные блестящим красным лаком, пробежались по животу Люциана де Винсента, высвобождая передний край его рубашки. — Что они... сходят с ума?

Люциан изогнул бровь.

— Потому что я уже чувствую себя немного безумной. Чувствую, что теряю контроль. Я так давно хотела тебя. — Губы того же цвета, что и ногти, тронули короткие волоски за его ушами. — Но ты никогда не смотрел в мою сторону. До сегодняшнего дня.

— Теперь ты говоришь неправду. — Он потянулся за бутылкой «Старого Рипа»¹. Он смотрел на нее не раз. Может быть, немного испытывал ее. С копной золотых волос и глубоким декольте, он не мог не смотреть на нее, равно как и половина завсегдатаев «Красного жеребца». Черт, наверное, порядка девяноста процентов из них, мужчин и женщин, устремили взгляды в ее сторону не один раз, и она прекрасно знала об этом.

— Но ты постоянно сосредоточен на чем-то другом, — продолжила девушка, и он увидел, как она надула свои пухлые губы.

---

¹ Бурбон десятилетней выдержки.

Он налил себе бурбона, пытаясь понять точно, кому еще он мог бы уделять внимание. Вариантов было бесконечное множество, но он никогда не сосредотачивался на ком-то одном. По правде говоря, даже женщине перед ним он не уделял полного внимания, даже когда она прижималась к его спине чудесной грудью и проскальзывала ладонью под его рубашку. Она издала звук, гортанный стон, который ничуть не возбудил его, когда ее ладонь прижалась к напряженным мышцам в нижней части его живота.

Когда-то достаточно было лишь понимающей улыбки и страстного голоса, чтобы возбудить его так сильно, что эрекция держалась бы часами. И еще меньше требовалось ему, чтобы потерять на какое-то время голову и начать трахаться.

Теперь?

Этого было не достаточно.

Ее острые маленькие зубки поймали мочку его уха, когда она опустила ладонь ниже, ее ловкие пальцы остановились на ремне.

— Но знаешь что, Люциан?

— Что? — Он поднял к губам низкий и тяжелый стакан для виски и, не вздрогнув, опрокинул в себя пахнущую дымом жидкость. Бурбон скользнул по горлу и согрел желудок, пока он рассматривал картину над баром. Это был не лучший образец живописи, но что-то в языках пламени ему нравилось. Напоминало о стремительном скольжении в безумие.

Она расстегнула его ремень.

— Я хочу удостовериться, что ты никогда больше не подумаешь о ком-то еще.

— Неужели?.. — Он замолчал, нахмутив брови и погрузившись в воспоминания.

Дерьмо.

Он забыл ее имя.

Ради всего святого, как же, черт возьми, звали эту женщину?

Фиолетово-красные языки пламени на картине не дали ответа. Он глубоко вздохнул и едва не потерял сознание от ее приторного парфюма. словно в рот ему закинули ведро клубники.

Пуговица на его брюках была расстегнута, и просторную комнату наполнил металлический звук молнии. Не более чем через секунду ее рука оказалась под резинкой его боксеров, прямо там, где покоился член.

Она замерла на какое-то мгновение, казалось, даже прекратила дышать.

— Люциан? — проворковала она, обхватывая теплыми пальцами его почти вставший член.

Что, черт возьми, было с ним не так? Почему эрекция так и не наступала?

Красивая женщина трогала его, а он был возбужден не больше, чем школьник в комнате, полной монашек.

Дьявол, он скучал. Она его не интересовала. Обычно такие женщины были в его вкусе. Провести с ней какое-то время, чтобы никогда не увидеть снова. Он не бывал с одной женщиной дважды, поскольку постоянство выработывало привычку, а от привычки очень сложно избавиться. Некоторые испытывали чувство, но он никогда не принадлежал к их числу, никогда. На сей раз *с него хватит*.

Ему казалось, что в последние пару месяцев над ним царит какое-то проклятие, парализующее практически каждую сторону его чертовой жизни. Беспокойство затаилось в глубине души и распространилось по венам, словно проклятый плющ, который оплел снаружи практически все стены дома.

Он чувствовал это задолго до того, как все перевернулось с ног на голову.

Она запустила вторую руку ему под рубашку, и ее хватка стала жестче.

— Ты намерен заставить меня поработать над этим, не так ли?

Он чуть не рассмеялся.

Проклятье.

Учитывая то, о чем он думал, ей придется поработать очень усердно. Опуская стакан на стойку бара, он откинул голову и закрыл глаза, заставляя разум очиститься. Она оставалась блаженно тиха, пока трудилась над ним рукою.

Теперь это было ему как никогда необходимо: бездумная разрядка и она... Клэр?

Клара? Имя начинается на «К», в этом он был уверен. Как бы там ни было, она знала, что делает. С каждой минутой он становился тверже, но его голова... Он полностью отключился.

Люциан раздвинул ноги шире, оставляя ей больше места для маневра, и на ощупь потянулся за стоявшей несколько тысяч долларов бутылкой бурбона. Сегодня вечером он должен был потерять себя, почувствовать себя по-настоящему живым. Как и в любую другую ночь, но в эту — особенно, потому что завтра ему предстояло кое о чем позаботиться.

Сейчас он не хотел размышлять об этом, а думал только о ее руке, губах и, может быть, о том, как... Мягкие, едва слышные шаги по полу в помещении сверху заставили его открыть глаза. Он повернул голову, решив, что ему чудится, но звук не исчез. Определенно, это были шаги.

Что за черт? Потянувшись вниз, он поймал тонкое запястье, остановив ее. Девушке это не понравилось. Ее кулак дернулся, лаская его жестче и грубее. Он сильнее надавил ей на руку, чтобы остановить.

— Люциан? — в голосе девушки звучало недоумение.

Он не ответил, поскольку напряженно вслушивался. Откуда могли взяться шаги? В комнатах наверху никого не могло быть.

Ночью прислуга уходила. Они все отказывались оставаться в особняке де Винсент после того, как на небе появлялась луна.

Он наверняка ослышался, и винить в этом следовало проклятый бурбон.

Господи, может быть, он сходит с ума.

Вытащив ее руку из штанов, мужчина повернулся, чтобы посмотреть на нее. Разглядывая запрокинутое лицо, подумал, что она действительно красива, но он давно уже понял, что красота — лишь краткий дар, данный бездумно. В большинстве случаев она была поверхностна, а в некоторых — даже не натуральна, создана и изменена умелыми руками.

Обхватив ее за затылок, он невольно задавался вопросом, как глубока была ее красота и где оброчивалась уродством. Он прижал большой палец к яремной вене, почувствовал, как участился пульс, и заинтересовался.

Ее губы раскрылись, а тяжелые ресницы опустились, прикрывая глаза цвета местного ириса, который как раз цвел по всей Луизиане. Он был уверен, что дома она хранит пару корон и ленты, которыми щедрый Юг отмечает хорошенькие лица.

Люциан начал опускать голову, когда на столешнице зазвонил его телефон. Он немедленно отпустил женщину и развернулся, она разочарованно забормотала. Шагнув к трубке, он немало удивился, когда увидел на экране имя своего брата. Было поздно, и, кроме того, в это время блудный сын наверняка уже был в постели где-то в комнатах этого же дома. Дев наверняка даже не был со своей невестой, как полагалось нормальным парам, которые не вылезают из постели сутки напролет.

И опять же, он с трудом представлял себе девственную Сабрину, трахающуюся с кем бы то ни было.

Ходили слухи о мужчинах и женщинах семьи де Винсент. Одни казались совершенно ложными. Их прапрабабушка когда-то утверждала, будто если мужчины де Винсент влюблялись, то это было быстрое и глубокое чувство без раздумий и промедлений.

Чушь собачья!

Единственный из них, кто когда-либо влюбился, был их брат Гейб, и посмотрите, чем это все обернулось? Проклятым хаосом.

— Что? — ответил Люциан в трубку, вновь потянувшись за бутылкой.

— Ты должен спуститься в кабинет отца немедленно, — приказал Дев.

Люциан вскинул брови, когда его брат повесил трубку. Это было интересное требование. Опустив телефон в карман, он застегнул штаны, вытащил ремень и бросил его на ближайший диван.

— Жди меня здесь, — велел он.

— Что? Ты оставляешь меня? — требовательно спросила девушка таким тоном, будто ни один мужчина никогда не уходил от нее, если она уже положила руку на его член.

Ухмыльнувшись, он открыл дверь, которая вела на веранду второго этажа.

— Да, и ты будешь ждать, пока я не вернусь.

Девушка открыла рот от удивления, но, выходя из комнаты, он знал, что она может беситься сколько влезет и тем не менее останется и дождетя его.

Он пересек веранду, попал на закрытую лестницу и прошел по ступенькам в дальнюю комнату на главном этаже. Дом был тускло освещен и тих, когда

он босыми ногами прошлепал по кафельному полу, который вскоре сменил деревянный.

Понадобилась пара минут, чтобы дойти до кабинета, поскольку он находился в самом конце правого крыла, спрятанный от посторонних глаз тех, кто посещал дом де Винсент. Там были даже собственные вход и подъездная дорожка.

Лоуренс, его отец, вывел обеспечение конфиденциальности на совершенно новый уровень.

Его шаги замедлились, пока он подходил к закрытым дверям.

Не имея представления, что ждет его в кабинете, но зная, что брат не стал бы звонить в такое время по пустякам, он приготовился к худшему. Тяжелые дубовые двери бесшумно распахнулись, Люциан вошел в ярко освещенную комнату и замер.

— Какого хрена?

Две ноги в мокасинах из крокодиловой кожи тихонько покачивались в нескольких футах от пола. Под ними натекла небольшая лужа.

Гнилостный смрад, распространившийся по комнате, подсказал ему, что это было.

— Именно поэтому я тебе и позвонил, — сказал Дев откуда-то из глубины комнаты ровным тоном.

Люциан поднял взгляд вверх по темным, мокрым с внутренней стороны бедра штанинам. Дальше — по перекошенной голубой, словно васильковое поле, рубашке, на половину заправленной в штаны. Руки висели по бокам, плечи поникли. Шея покоилась под неестественным углом.

Возможно, это было как-то связано с ремнем, затянутым вокруг нее.

Пояс был закреплен за потолочный вентилятор, который привезли из Индии и установили чуть меньше месяца назад. Каждый раз, когда тело подергива-

лось, потолочные крепления издавали щелчок, словно из дедушкиных часов.

— Господи Иисусе, — прорычал Люциан, уронив руки и быстро заскользив взглядом по комнате. Лужа мочи растекалась по направлению к бежево-золотому древнему персидскому ковру.

Если бы его мать была жива, она бы уже в ужасе теребила жемчужную нить на морщинистой шее.

Ироничная усмешка искривила его губы при мысли об этом.

Боже, он скучал по матери каждый проклятый день с тех пор, как она покинула его — покинула их всех — в ту штормовую, удушливо влажную ночь.

Мама любила, чтобы все было красивым, нестареющим и неповрежденным.

То, что она покинула эту землю именно таким образом, было даже печально уместно.

Озабоченный больше этими мыслями, чем смертью, произошедшей в комнате, Люциан отошел вправо, опустившись в кожаное кресло. То самое, в котором ребенком он проводил неподвижно долгие часы, тихо выслушивая бесчисленные варианты того, почему он — верх разочарования.

Сейчас он скорее распластался, широко раскинув ноги, нежели сидел в нем. Ему не нужно было зеркало, чтобы понять, что его волосы, светлые, в отличие от темных волос братьев, были всклокочены, будто их ерошила дюжина рук. Ему не нужно было вдыхать слишком глубоко, чтобы чувствовать проклятый фруктовый аромат духов, вьевшийся в его одежду.

Если Лоуренс увидел бы его в таком виде, то непременно бы высказал какое-нибудь едкое замечание. Тем не менее Лоуренс никогда больше не поглядывает на него так, учитывая тот факт, что сейчас

он свисал с потолочного вентилятора, словно туша с крюка мясника.

— Кто-нибудь вызвал полицию? — спросил Люциан, постукивая длинными пальцами по подлокотникам кресла.

— Надеюсь на это, — протянул Габриель. Он прислонился к хорошо отполированному буфету вишневого дуба. Хрустальные бокалы зазвенели. Графины с коньяком и изысканным виски практически не шевельнулись.

Гейб, считавшийся самым *нормальным* братом из выводка де Винсент, кажется, еще не до конца проснулся. Одетый лишь в спортивные штаны, он лениво потирал подбородок и разглядывал качающиеся ноги.

— Я позвонил Трою, — мрачно ответил Дев из противоположного конца кабинета. Он выглядел так, как должен был выглядеть глава семьи: старший сын, который теперь, очевидно, отвечал за всю династию де Винсент.

Темные волосы аккуратно причесаны, подбородок выбрит, и, черт возьми, ни единой складки на льняных штанах. Вероятно, он, мать его, специально задержался, чтобы отгладить их.

— Я рассказал ему, что случилось, — продолжил Дев. — Он едет.

Люциан бросил взгляд на брата.

— Это ты нашел его?

— Я не мог заснуть. Встал и спустился сюда. Увидел, что свет включен, а он здесь. — Дев скрестил руки на груди. — Когда ты приехал домой, Люциан?

— Какое это имеет отношение к происходящему?

— Просто ответь на вопрос.

Его рот медленно растянулся в понимающей ухмылке.

— Думаешь, я как-то связан с текущим состоянием дорогого папочки?

Девлин ничего не ответил. Он ждал. Хотя это было типично для Дева. Тих и так же холоден, как свежевырытая могила. Он был совсем не похож на Люциана. *Совсем.*

Люциан закатил глаза.

— Я понятия не имею, бодрствовал ли он и находился ли тут, когда я вернулся. Я вошел через собственный вход и был счастливо занят несколько иными делами до тех пор, пока ты мне не позвонил.

— Я тебя ни в чем не обвиняю, — ответил Дев тем же тоном, который был ему хорошо знаком еще с их детства.

— Уверен, даже намек не было. — Как случилась вся эта лажа? Их отец висел на потолочном вентиляторе на собственном кожаном ремне, стоившем шестьсот долларов, и Дев спрашивал Люциана, где тот был? Его пальцы замерли на ручке кресла. И тут он заметил красное пятно на своем указательном пальце и сжал кулаки. — А где были вы двое?

Дев вскинул брови.

Гейб смотрел в сторону.

Покачав головой, Люциан неслышно хохотнул.

— Слушайте, я не эксперт-криминалист, но выглядит так, будто он повесился.

— Это не смерть по естественной причине, — заявил Гейб, и Люциан невольно задался вопросом, в каком криминальном шоу тот подцепил эту фразу. — Все равно будут проводить расследование. Особенно если нет предсмертного письма. — Он подбородком указал на чистый от бумаг письменный стол. — Хотя никто из нас его не искал. Дерьмо. Не могу поверить...

Взгляд Люциана метнулся к телу отца. Он тоже не мог поверить.

— Ты позвонил Трою? — Он сфокусировался на Деве. — Вероятно, парень устроит вечеринку. Проклятье, нам стоит это отпраздновать.

— У тебя есть хоть капля приличия? — процедил Дев.

— Ты серьезно спрашиваешь меня об этом, имея в виду *нашего* отца?

Дев скрипнул челюстями, стараясь скрыть настоящие эмоции.

— Ты хоть представляешь, что об этом будут говорить?

— Разве что-то в моем выражении лица дает тебе основания полагать, будто меня заботит, что скажут другие? — мягко спросил Люциан. — Или, может, меня это хоть раз заботило раньше?

— Тебя, может быть, и не заботит, но последнее, что нужно нашей семье, это очередные грязные пересуды.

Их семье много чего не было нужно, но еще одно пятно на и без того не кристально чистой репутации вряд ли стоило беспокойства.

— Может, нашему отцу следовало подумать об этом до того, как... — Он повел головой, указав подбородком в сторону повешенного.

Дев сжал губы, и Люциан знал, что брату понадобился весь его самоконтроль, чтобы не отвечать. В конце концов, Дев годами практиковался в сдержанности, пока Люциан дразнил его.

Дев ничего не сказал, просто обошел отца и вышел из кабинета, *тихо* закрыв за собой двери.

— Я что-то не то сказал? — задумчиво спросил Люц, выгибая бровь.

Гейб перевел на него невыразительный взгляд.

— Зачем ты это делаешь?

— Почему бы и нет? — Он безразлично пожал плечами. — Ты же знаешь, как он выходит из себя.

В том-то и было дело, что Люц действительно знал, как выходит из себя Дев, но знал ли это Гейб?

Он так не думал. Возможно, потому, что Гейб не хотел ничего замечать.

Вновь уставившись на болтающиеся ноги, Гейб мрачно спросил:

— Ты правда думаешь, что наш отец совершил бы такое?

— Мне это кажется вероятным, — ответил Люциан, сконцентрировавшись на призрачно-белых руках, замерших во времени.

— Он едва ли мог чем-то меня удивить, но повестись? — Гейб поднял руку, пробежался пальцами по волосам. — Это не его... стиль.

Люц был вынужден согласиться. Это было очень не похоже на Лоуренса: оказать им услугу и оставить всех в покое.

— Может быть, это проклятие.

— Ты серьезно? — Гейб беззвучно выругался. — Ты сейчас говоришь прямо как Ливи.

Улыбка вернулась, когда Люциан подумал об их домработнице. Госпожа Оливия Бессон была для них словно второй матерью и такой же частью этого дома, как стены и крыша, но проклятая женщина была суеверна, словно моряки в бурную ночь. Улыбка пропала как сон.

Гнетущая тишина повисла между ними, когда оба поняли, что смотрят на отца. Молчание нарушил Гейб, и говорил тихо, будто боялся, что его подслушают.

— Я встал до того, как Дев позвонил мне. Мне показалось, будто я слышал что-то на верхнем этаже.

Проклятый воздух застрял у Люциана в легких.

— Я пошел наверх, но... — Его брат тяжело вздохнул. — Ты что-то планировал на завтра? Придется отложить все.

— Почему?

— Почему? — переспросил он с нервным смехом. — Ты не можешь покинуть поместье на следующий день после смерти отца.

Люциан не видел в этом никакой проблемы.

— Дев изойдет на дерьмо.

— Дев даже не знает, чем я занимаюсь, — ответил он. — И, вероятно, даже не узнает, что я отсутствовал. Я вернусь на следующее утро.

— Люциан...

— Важно, чтобы я сделал это. Ты знаешь. Я не верю... Я не верю, что Дев выберет правильного человека. И я ни в коем случае не собираюсь отступать в сторону и позволять ему улаживать это. — Его тон не терпел возражений. — Дев может быть уверен, что все решит. Но мне все равно, и я скажу свое слово.

Гейб тяжело вздохнул. Момент прошел.

— Тебе лучше удостовериться, что твоя гостья вполне понимает, как важно не вымолвить ни слова о том, что случилось тут.

— Конечно, — пробормотал Люциан, медленно поднимаясь с кресла. Он вовсе не был удивлен, что его брат знал, что он привел кого-то домой.

У этого дома особняка были глаза и уши.

Гейб направился к двери.

— Я найду Дева.

Люциан проследил, как ушел брат, и повернулся к телу своего отца, пытаясь почувствовать хоть что-то. Шок, который он испытал, войдя в комнату, исчез, не успев сформироваться. Человек, который вырастил его, висел на потолочном вентиляторе, а он не мог найти в себе даже крупицу скорби. Двадцать восемь лет он прожил под рукой этого человека и не чувствовал ничего. Даже облегчения. Просто бесконечную пустоту.

Он снова посмотрел на вентилятор.

Повесился ли Лоуренс? Патриарх семьи пережил бы их всех из чистого упрямства. Но если это не он сам, значит, это сделал кто-то и обставил все как самоубийство. Что было возможно. Случались и более безумные вещи. Он думал о шагах наверху, которые слышал.

Этого не могло быть...

Прикрыв на секунду глаза, он беззвучно выругался. Это будет долгая ночь и вовсе *не* веселая. А завтрашний день будет еще дольше. Покидая комнату, он наклонился и поднял край ковра, откатив тяжелый материал подальше от разлившейся по полу жидкости.